

СИМВОЛИСТЫ В 1905 ГОДУ

Статья Б. Мейлаха

I

Подлинная суть политических выступлений символистов в 1905 г. в настоящее время может считаться окончательно установленной. Необычайно быстрые отклики обитателей «слоновой башни» индивидуализма на революционные события характерны лишь как литературное отражение стремлений буржуазии опереться на пролетариат для достижения своих классовых целей. «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» — в этой ленинской формуле блестяще вскрыт смысл позиций «революционеров» в белых перчатках. «Либеральная буржуазия идет к народу», — писал Ленин. — «Это верно. Она вынуждена идти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представительница его интересов, не как новый пламенный боевой товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой»¹.

«Революционные» идеалы символистов в основном не выходили за пределы платформы буржуазного либерализма. Воспевание символистами мистического «прозрения в инобытие», культа эротики, нищенского «дерзновения», даже в период относительно наивысшего для них подъема оппозиционных царскому правительству настроений, свидетельствует о том, насколько тесна связь символистов с идеологией загнивающего империализма. И не случайно после поражения революции 1905 г. символисты, за немногими исключениями, активно включаются в служение интересам разочаровавшегося в борьбе буржуазного обывателя и получают признание ранее третированной их официальной общественности.

Отношение символистов к революции 1905 г. является одной из наиболее интересных проблем истории русской литературы XX в. Не задаваясь здесь целью осветить весь комплекс относящихся сюда вопросов, мы останавливаемся в настоящей работе на одном эпизоде, связанном с кратковременным сотрудничеством некоторых литераторов-символистов в «Новой Жизни» и имеющем решающее значение при исследовании позиций символистов в первой русской буржуазной революции.

Как известно, в эту первую легальную большевистскую газету, выходящую в Петербурге с 9 ноября (27 октября) по 16 (3) декабря 1905 г. «вначале в качестве редактора-издателя был привлечен поэт Н. М. Минский, в качестве издательницы — артистка М. Ф. Андреева. В составе постоянных сотрудников значились, с одной стороны, представители партии: Ленин, Воровский (Ю. Адамович), Ольминский, Румянцев, Богданов, Луначарский, Базаров, Горький и др., а с другой — Минский, Венгерова, Тэффи и т. п.»². Попытки Минского, пользуясь своим официальным положением, повлиять на направление газеты окончательно потерпели поражение с приездом в Петербург Ленина: состав редакции и сотрудников был пересмотрен, и руководство перешло целиком в руки большевиков.

Кратковременное сотрудничество символистов в «Новой Жизни», выразившееся в напечатании там около десятка стихотворений и заметок, не раз использовалось врагами большевистской печати для дискредитации ее. Так, например, Плеханов откликнулся на объявление об издании «Новой Жизни» особой заметкой, в которой писал: «Объявление об издании «Новой Жизни» наводит на весьма поучительные размышления. Оно пестрит именами людей, до сих пор остававшимися чуждыми марксизму... Г-н Минский и г-жа Венгерова оказываются теперь нашими «товарищами». Невольно спрашиваешь себя: а где же «товарищ» Вольнский? Где «товарка» З. Н. Гиппиус? Где «товарищи», ютящиеся вокруг «Скорпиона»?»³.

Конечно, Плеханов хорошо понимал, что привлечение к сотрудничеству в партийной газете людей, далеких от партии, являлось нередко применявшимся в легальной прессе тактическим приемом, целью которого была маскировка подлинного политического направления издания от «недремлющего ока» административных органов российского самодержавия. Но в своем стремлении дискредитировать большевиков Плеханов не брезгал и подобными «методами» полемики. В. В. Воровский, разоблачая истинную сущность плехановских обвинений, писал в «Пролетарии»:

«Что касается попытки дискредитировать Ленина за его участие в одной газете с «эмпириомонистами и вполне законченными декадентами», то для освещения искренности и моральной ценности подобного упрека достаточно сопоставить с ним следующий факт. В № 290 «Русских Ведомостей» напечатано извещение об издании журнала «Правда». В списке сотрудников этого журнала красуются имена Плеханова, а также целого ряда «эмпириомонистов», а также декадентов вроде г. Бальмонта и многих других лиц, никакого отношения к социал-демократии не имеющих. Мало того, в только что вышедшем номере «Правды» за сентябрь — октябрь имеется статья Г. Плеханова рядом со статьями «эмпириомонистов» и трагедией такого, вполне законченного декадента, как Г. Д'Аннунцио. Что же это значит? Как понимать такую двойственность? Значит ли это, что «закон», обязательный для простых смертных, вроде Ленина, для «сверхчеловеков» не писан? Или же это является примером того, насколько принципиально и является марксистская непримиримость самого Плеханова?»⁴.

Вопрос о том, почему большевики были вынуждены обратиться к Минскому, приступая к изданию «Новой Жизни», не раз освещался в печати. Создавая легальную газету, которая помогала бы объединению вокруг большевистской партии широких масс трудящихся, работники ЦК прежде всего были озабочены тем, чтобы найти таких лиц, в распоряжении которых имелось разрешение на издание. В то время получить такое разрешение было вообще очень трудно, а тем более для «политически неблагонадежных». В статье «Как возникла «Новая Жизнь» Л. Б. Красин, принимавший непосредственное участие в организации этой газеты, вспоминал:

«После долгих поисков и безуспешных попыток получить разрешение на имя кого-либо из наших товарищей или близких нам друзей из разночинской братии (адвокатов, врачей и т. д.), дававших явки и прибежище нашим нелегальным товарищам, мы наткнулись на литератора и поэта Н. М. Минского. Он имел разрешение на издание газеты и по своему умонастроению в то время был склонен пойти на такое довольно рискованное предприятие, как совместное издание газеты с весьма мало известной ему группой... социал-демократов, рекомендованных ему Горьким.

С большим трудом, после ряда размолвок, грозивших сорвать все дело, удалось кое-как склотить редакцию с привлечением А. М. Горького, Н. М. Минского, З. Венгеровой, Тэффи, Габриловича (Галича) и, с нашей стороны, Ленина, Воровского, Ольминского, Румянцева, Богданова и Красина. Компания получилась пестрая, и, когда я теперь смотрю на пожелте-

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1909
24. X

ВСѢ ТУТЬ ОБЛИКИ ЗНАКОМЫ:
 ФЕДОРЪ НАВВИЧЪ СОЛОГУБЪ,
 НЫНѢ СЛАВОУ ПАСОМЫЙ;
 РЯДОМЪ БРЮСОВЪ ВСЮЛОБЪ;
 ВЯЧЕСЛАВЪ ЗАНИМЪ ПИСАТЕЛЬ
 НА ПИФЪЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ,
 И БАЛЬМОНТЪ, ПЛАНЕТЪ ПРІЯТЕЛЬ
 СЪ СОЛНЦЕМЪ ПЛАМЕННЫМЪ ВЪ РУКѢ;
 И КУЗМИНЪ, УЕДИНЕННЫЙ
 ВЪ МУКУ ГРѢШНУЮ СВОЮ;
 МИЛЫЙ РЕМИЗОВЪ, ПОЛЩЕННЫЙ
 ЧЕРТИНЧАНЫМЪ ИНТЕРВЪМЪ;

ВЪ ЦЕНТРѢ БѢШЕНО ДИКТУЕТЪ
 ПРЕСЛОВУТЫЙ ЛЕОНИДЪ;
 РЯДОМЪ БЛОКА ВСЕ ЧАРУЕТЪ
 НЕЗНАКОМКИ СТРАСТНЫЙ ВИДЪ.
 СЪБЪ КУПРИНЪ ВЪ РОДНУЮ ЯМУ;
 АРЦЫБАШЕВЪ ПОДЪ БѢНКОМЪ;
 МАЛО РУССКАГО ВЪДЪ СРАМУ,
 ТАКЪ НѢМЕЦКАГО ПРИЛЬЕМЪ!
 ЗА СОСНОВКОЙ ПО БОСЛОТАМЪ
 ГОРОДЕЦКІЙ, ЗНАЙ, БЛУДИТЬ.....
 НО ПОЙМИТЕ САМИ, КТО ТАМЪ
 ВИДЯ ВСЕ ЭТО, ГРУСТИТЬ!

ЛИТОГРАФИРОВАННАЯ ПРОГРАММА ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА В ЛЕСНОМ ИНСТИТУТѢ
 В ПЕТЕРБУРГѢ 24 ОКТЯБРЯ 1909 г.

Частное собрание, Ленинград

шие листы «Новой Жизни», где в числе сотрудников, на ряду с Лениным, Луначарским, Лядовым, Покровским, Ольминским, Гольденбергом, красуются не только имена отошедших от нас впоследствии, в процессе дальнейшего развития революции марксистов*, но имена таких реакционеров и белогвардейцев, как Чириков или Бунин, трудно удержаться от улыбки перед этой своеобразной гримасой жизни»⁵.

Вопрос о том, почему большевики были вынуждены обратиться к Минскому за содействием в получении права на издание своей газеты, ясен. Вся история взаимоотношений большевистского ядра редакции с числившимися в составе сотрудников символистами, самое «сотрудничество» символистов в «Новой Жизни», поведение Минского, как номинального «редактора», и, наконец, вопрос о том, почему символисты неожиданно проявили сочувствие к газете, ставившей своей задачей «быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса», до сих пор специально не рассматривались. Собранные нами и впервые публикуемые здесь материалы и документы помогают уточнить все эти моменты.

II

Говоря о реакционности русского символизма в целом, не следует игнорировать политическую дифференциацию среди символистов в самый период революции 1905 г. Д. Мережковский, злобствовавший по поводу выхода на улицу «грядущего хама», Александр Блок, шагавший в рядах демонстрантов с красным знаменем, но не отдававший себе отчета в смысле происходивших событий, Валерий Брюсов, с максимальной отчетливостью выразивший презрение к «робким призывам» буржуазии и боязнь «губящей стихии» революции, Андрей Белый, совмещавший участие в революционном восстании университета с аккуратным посещением эстетико-мистических собраний, — все это явления не равнозначные. Пожалуй, наиболее ярко дифференциация в символистском лагере выразилась в позициях, с одной стороны, Д. Мережковского, с другой — Н. Минского. Оба эти писателя были активными участниками собраний «религиозно-философского общества», оба в «теории и практике» выражали свою верность символизму и мистике. Но Минский предоставил свою газету делу пролетариата, открыто заявляя: «Для меня, как, вероятно, для бесчисленного множества людей, стало очевидно, что пролетариат это тот класс, на стороне которого одновременно находится и высшая сила и верховное право. Сила потому, что рабочий класс, как единственно создающий все блага жизни, один держит в своих руках пружины общественного механизма. Право потому, что, не желая быть жертвой чьей-либо эксплуатации, пролетариат сам-то уже никого эксплуатировать не намерен. Его классовые интересы без остатка сливаются с интересами всемирной справедливости»⁶. Мережковский же по поводу революционных событий писал в письме Л. Виленкиной: «Вы спрашиваете, как я живу! Уныло. Можно ли жить иначе во время того, что теперь происходит в России? Это уже не революция, а что-то гораздо более страшное и небывалое в истории... Все-таки наше дело — слово и мысль, а тут никакие слова, никакие мысли ничего не сделают. Тут какое-то стихийное разрушение всего»⁷.

Весьма характерной для символистов в 1905 г. является оценка ими стихотворения Минского «Гимн рабочих», напечатанного в двенадцатом номере «Новой Жизни».

В строках этого стихотворения, наполненного неуклюжими гиперболами и содержащего совсем уж неуместные здесь «вакхические мотивы», все же звучали резко враждебные общей массе символистов настроения:

* Как Румянцев или Богданов [прим. Л. Б. Красина].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
 Наша — сила, наша — воля, наша — власть.
 В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь!
 Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.
 Станем цепью вокруг всего земного шара
 И по знаку, в час урочный, все — вперед!
 Враг наш дрогнет, враг не выдержит удара,
 Враг падет, и возвеличится народ.
 Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
 Нашей кровью искупленный новый мир.
 Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
 Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир.
 Братья, други, счастьем жизни опьяняйтесь.
 Наше все, чем до сих пор владеет враг.
 Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
 Солнце в небе, солнце красное — наш стяг.

Появление в газете этого стихотворения вызвало следующую сентенцию в письме Мережковского к жене Минского: «...будьте тверды, решительны и извлеките Н[иколая] М[аксимовича] как можно скорее из социал-демократического болота! Гимн рабочих меня огорчил: «из развалин, из пожарищ» ничего не возникнет, кроме грядущего хама»⁸.

Резкие отклики на «Гимн рабочих» были напечатаны почти во всех реакционных газетах. Так, «Наша Жизнь» оценила его, как образец «разнужданности» и «кровожадности»⁹. Характерно, что Брюсов долго не мог простить Минскому этого стихотворения. Напечатанную через три года после появления «гимна» статью о поэзии Минского он закончил ироническими строками: «Как известно, за последние годы Минский, весьма неожиданно соделавшийся социал-демократом, вновь вернулся к сочинению «гражданских» стихов. Эти плоды его музы доказали, что он еще не разучился лисать из ряда вон плохо...»¹⁰.

В 1905 г. из символистов, пожалуй, один лишь Минский в наиболее открытой форме заявил о своем сочувствии делу пролетариата (хотя и это сочувствие оказалось кратковременным). Но революционные события, о которых Минский писал: «Ничего не поделаешь, приходится учиться у истории»¹¹, все же не переделали символиста-мистика: в его речах о пролетариате и революции чувствуется стремление не только удержать за своей классовой группой идеологическое господство, но и укрепить это господство. Именно это стремление и нашло отражение в попытках Минского примирить «мистическую истину» с «доктриной социал-демократии», в его декларативном заявлении: «Если мистической истине суждено одержать когда-либо победу над духом людей, то я уверен, что победа эта совершится только в чистой атмосфере экономической правды и всеобщего, свободного, радостного, никем не эксплуатируемого труда»¹². Отсюда ясен и объективный смысл мечты Минского о том, что при «свободном строе» идейное руководство будет принадлежать носителям «религии разума»...

Идейно-творческая эволюция Минского является весьма характерной для определенной группы представителей раннего символизма. До середины 80-х годов поэтическая деятельность Минского проходила под знаком обескровленной поэтической традицией позднего народничества «гражданственности». Основными мотивами его творчества были народное горе и тоска по «разгромленным идеалам». «Страданий народных, как море ковшом, нельзя исчерпать нашей песней народной», — жаловался поэт. В целом ряде его стихотворений проходит тема одиночества и трагичности отрыва от народа:

Один, чужой толпе... но и толпу люблю
 Следую, глупую, с тоской безысходной.
 Лишь с толпой молюсь, лишь за нее скорблю
 Один... Но без нее я труженик бесплодный¹³.

Мысль о том, что «великие мечты» погибли и нет к ним возврата, много раз варьировалась в стихах Минского. Однако, уже в этих стихах заложена возможность примирения с «проклятыми врагами», ибо

Восторг доверчивый равно будила в нас
 И проповедь борьбы, и проповедь смиренья¹⁴.

Начиная со второй половины 80-х годов Минский переходит к прямому походу на идеи революционного просветительства 60-х годов, в ряде статей доказывая, что оно, якобы, умертвило красоту, искусство и высшие человеческие идеалы. Он не только отказывается от «наследства», но даже клеймит его позором:

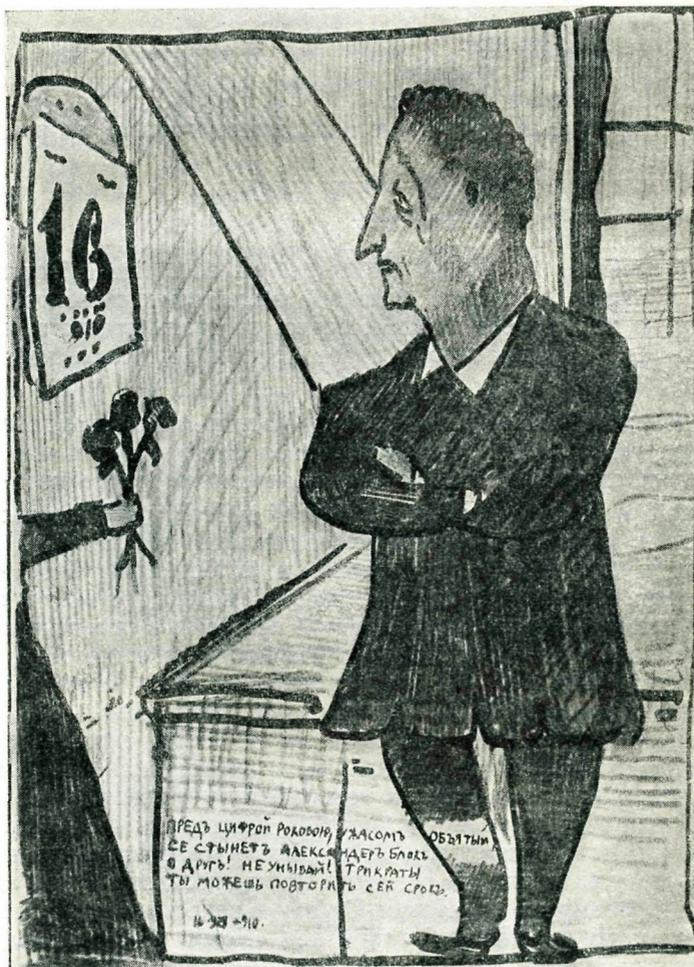
...подвиг ваш, друзья, бесследно пропадет.
 Своей карающей судьбой вы были сами.
 Вы дерзко презрели искусство, божество:
 Им долго не простить позора своего...¹⁵.

В своей книге «При свете совести» (1890) Минский утверждал самый крайний индивидуализм, как основу человеческого существования. Идее общечеловечности он противопоставил аморализм, позитивному методу познания — экстаз и интуицию. В соответствии с ницшеанской философией западного империализма, в этой книге провозглашалось: «Я создан так, что любить должен только себя, но эту любовь к себе я могу проявлять не иначе как первенствуя над ближним своим, таким же, как я, самолюбцем, жаждущим первенства; поэтому цель моей жизни и цель жизни моего ближнего — одна другую взаимно отрицают и уничтожают»¹⁶. Эти же идеи нашли отражение и в поэзии Минского. Основные мотивы его стихотворений этих лет: «пять чувств — дорога лжи», «нет двух путей добра и зла, есть два пути добра». Минский воспекает «чистое искусство», упоение «мигом», создает философию «мэонизма», заключающуюся в обожествлении невозможного, в стремлении от существующего к несуществующему.

По единогласному признанию Брюсова, Белого, Сологуба, Минский — зачинатель русского символизма и первый учитель символистов. «Я думаю, теперь можно считать установленным, что именно с Минского начался стихотворный символизм», — утверждает один из активных участников символистского движения, П. П. Перцов¹⁷. И в самом деле, роль Минского, как первого идеолога символизма, весьма значительна. Достаточно вспомнить, какой резонанс имел его фельетон «Старинный спор», напечатанный в киевской газете «Заря» 24 июля 1884 г. Этот фельетон, решительно противопоставивший традициям 60-х годов «чистое искусство» и призывавший художников уйти от тревог и треволнений реальной действительности в мир субъективистской фантазии, сыграл большую роль в формировании русского символизма.

В начале XX в. Минский, следуя «веяниям времени», отходит от присущей раннему символизму кружковой замкнутости и начинает живо интересоваться «общественными проблемами». Вместе с Розановым, Мережковским, З. Гиппиус, Философовым он принимает активное участие в организации «религиозно-философского общества» и в ряде статей пропагандирует «мистические идеалы», усвоение которых народом он считает... основой социального переворота. Свою враждебность деспотизму самодержавной монархии Минский выражал в довольно определенной форме. Однако, нена-

видя существовавший политический режим, Минский в то же время подвергал резким нападкам единственное учение, следуя которому трудящееся человечество может до конца разрушить «мир лжи и насилия», — учение научного социализма. Так, в книге «Религия будущего» он утверждал, что «идея социалистов есть тот же мещанский идеал предметного благополучия»¹⁸. И только под впечатлением революционных событий 1905 г. этот мистик-индивидуалист решился предоставить имевшееся у него право на из-

АЛЕКСАНДР БЛОК
Шарж С. Городецкого
Собрание Л. Д. Блок, Ленинград

дание газеты партии пролетариата. О том, насколько неправильными являются утверждения Минского, что он «пришел к социал-демократическим убеждениям» задолго до эпизода с «Новой Жизнью»¹⁹, свидетельствуют заявления, представленные им в административные органы.

Прошение Минского о разрешении «издавать в свет в С.-Петербурге новое издание без предварительной цензуры под названием «Новая Жизнь» датировано 8 апреля 1905 г.²⁰.

Газету он просил разрешить по следующей программе:

- «1. Правительственные распоряжения.
2. Телеграммы собственных корреспондентов и телеграфных агентств.
3. Статьи по вопросам внешней и внутренней политики, общественным, научным и литературным.
4. Хроника столичной и провинциальной жизни.
5. Письма корреспондентов столичных и провинциальных.
6. Письма в редакцию и почтовый ящик.
7. Обзор иностранной и русской печати.
8. Биржевая хроника.
9. Спорт, игры и зрелища.
10. Смесь, справочный отдел.
11. Стихотворения (беллетристика, драматические произведения, критика).
12. Иллюстрации, географические карты.
13. Прибавления и приложения.
14. Объявления».

Как мы видим, программа газеты весьма обширная. Повидимому, Минским было задумано издание большой общественно-политической газеты. О том, какую цель он ставил себе, берясь за столь ответственное, требующее много сил и энергии дело, говорит следующая составленная им «объяснительная записка»²¹:

В дополнение к поданному мною прошению о разрешении мне издавать ежедневную газету под названием «Новая Жизнь» честь имею изложить в нескольких словах цель и назначение предполагаемого издания.

Главной руководящей идеей всей моей литературной деятельности была уверенность в том, что первенствующее значение для развития русского самосознания имеют идеалы эстетический и философский. Свое миросозерцание я не раз излагал в книгах и статьях, между прочим, в философской книге «При свете совести» (прилагаемой при сем), в предисловии к которой я пишу: «Чтобы устоять в борьбе случайностей и самолюбий, из которых состоит ежедневная жизнь, нужно внутренне быть свободным от людей и обстоятельств и полюбить святыню не от мира сего».

В переживаемую нами смутную эпоху слово, проникнутое любовью к вечному и прекрасному, явилось бы, в целях успокоения и замирения умов, особенно необходимым, при том, конечно, условии, если слово это будет внушать к себе доверие и сочувствие со стороны общества.

Борьбе с материализмом и философским безразличием нашей молодежи, столь пагубным для её развития, была посвящена моя деятельность в «Северном Вестнике» и «Новом Пути», в качестве одного из ближайших сотрудников этих журналов. С закрытием «Нового Пути» я предпринял чтение публичных лекций по вопросам нравственности и эстетики и еще недавно мог убедиться в том, что, несмотря на увлечение общественными вопросами и гучий интерес к войне, интеллигенция в столицах и в провинции относится к вечным проблемам морали и эстетики с глубоким вниманием и сочувствием. Это и подало мне мысль войти с читающей публикой в постоянное общение, при помощи газеты, так как при переживаемых ныне обществом условиях повышенного самочувствия журнал потерял прежнюю власть над читателем и на его место стала ежедневная газета. В ряды газетных сотрудников перешли из журналов и писатели по общественным и экономическим вопросам; очевидно, что и защитникам эстетики и морали необходимо, в свою очередь, прибегнуть к тому же орудию слова, соответствующему духу времени.

В предполагаемой газете особое место,—гораздо больше, чем у нас до сих пор принято, не только в фельетоне, но и в тексте,—будет уделено

беллетристике, критике, искусству; образцом такого издания может служить французская газета «Le Journal».

Н. Виленкин-Минский

7 мая 1905 г.

Английская набережная, 62.

Итак, «Новая Жизнь» была задумана Минским, как орудие борьбы с материализмом и пропаганды «святыни не от мира сего». Конечно, было бы странно ожидать, что в официальном прошении он упомянет об оппозиционной правительству политической линии задуманной им газеты. Но, не касаясь политической линии газеты, Минский, несомненно, искренно изложил литературно-философскую платформу, которой он придерживался в своей литературной деятельности.

Прошение было подано 8 апреля, а 29 апреля департамент полиции сообщил на запрос о политической благонадежности Минского, что он «привлекался в 1883 г. к дознанию, возбужденному в виду появившегося в печати без предварительной цензуры сборника его стихотворений, большая часть которых имела тенденциозное содержание, но дело было производством прекращено»²².

Основываясь на этих сведениях, товарищ министра внутренних дел Трепов 24 июня сообщил в Главное управление по делам печати, что он признает возможным удовлетворить ходатайство о разрешении издавать «Новую Жизнь», ибо «за последние годы» Минский ни в чем «предсудительном» замечен не был²³.

Однако, Главное управление по делам печати, повидимому, все же не решалось дать окончательный ответ на прошение Минского. Дело затягивалось. И вот 18 июля Минский пишет вторую декларацию, где уточнил цель своего издания и указал на круг лиц, который будет в нем сотрудничать. Содержание этой декларации представляет несомненный интерес не только для понимания политической позиции Минского, но и для выяснения причин перехода символистов к таким, прежде презиравшимся ими формам литературной деятельности, как политическая газета. Приводим эту декларацию целиком²⁴:

В дополнение к сказанному мною раньше имею прибавить следующее о моем писательском credo.

Вот уже около пятнадцати лет, со дня выхода в свет моей книги «При свете совести», как я занял определенное положение в нашей литературе, как один из борцов за религиозно-философский и эстетический идеализм и как непримиримый противник того материалистического и утилитарного направления, которое, к сожалению, безраздельно и до сих пор царит среди нашей молодежи и стоящих в ее главе публицистов. Мысли свои я высказывал и в форме отдельных книг «При свете совести», «Философские разговоры», и в журнальных статьях, как ближайший сотрудник «Северного Вестника», «Мира Искусства» и «Нового Пути», и в форме чтений и бесед, как один из ближайших участников бывших религиозно-философских собраний, и, наконец, прошлой зимой читал на ту же тему публичные лекции в столицах и во многих провинциальных городах.

Таким образом, цель, направление и идейный центр тяжести проектируемой мною газеты очевидны. Я буду продолжать то дело, которому служил до сих пор, буду бороться с теми же противниками и пользоваться сотрудничеством тех же литературных друзей, из которых могу назвать уже изъявивших согласие принимать деятельное участие в моей газете Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Д. В. Filosofova, В. А. Тернавцева. Отделом же политическим и экономическим будет заведывать И. И. Кольшико, письменное согласие которого я имел честь представить. Если бы он, как редактор собственной газеты, был слишком занят, для того, чтобы пи-

сать ежедневные статьи и заметки, то, во всяком случае, общее заведывание и направление статей по политическим и экономическим вопросам будет, несомненно, находиться в его руках, так как в его политической умренности, благоразумии и тактике я совершенно уверен.

Мне остается сказать несколько слов о том, почему я остановился на проведении религиозно-философской и эстетической работы на форме газеты. Долгий опыт убедил меня, как и моих единомышленников, в невозможности в настоящее время воздействовать на широкие круги читающей публики при посредстве еженедельной и ежемесячной печати. Несмотря на блестящую внешность, «Мир Искусства», выходящий и еженедельно, и ежемесячно, должен был прекратить свое существование. Ту же судьбу разделил и «Новый Путь». Читающая публика собирается, толпится вокруг еженедельной печати и, кто желает проводить свои идеи в действительную жизнь, тот поневоле идет туда, гделюдно. Один из наиболее популярных наших философов В. В. Розанов (о сотрудничестве которого в моей газете уж упомянул) отчасти обязан своей известностью тому, что писал газетные статьи в «Новом Времени». К тому же мне кажется, что философские и эстетические идеи должны не сторониться от ежедневной прозы жизни и идти ей навстречу, чтобы освещать ее и облагораживать.

Может ли рассчитывать газета на успех с идеалистической программой? Мне, по многим соображениям, такая газета представляется и полезной, и крайне своевременной, но если бы мои расчеты оказались неверными, то, само собой разумеется, что писательская честь никогда не позволила мне уступить газету другим лицам, преследующим другие цели. Впрочем, это и было бы невозможно, так как имя писателя уже есть программа. Никогда еще не было случая, чтобы писатель с определенной физиономией уступал кому-нибудь свое издание, тем более свое имя. Это — дело литераторных промышленников и посредников.

Н. Виленкин-Минский

18 июля 1905 г.

Английская набережная, 62.

Повидимому, это заявление Минского возымело действие, и 20 августа 1905 г. Главное управление по делам печати сообщило С.-Петербургскому цензурному комитету, что Минскому «разрешено издавать в г. С.-Петербурге без предварительной цензуры, под его редакторством, ежедневную газету, под названием «Новая Жизнь»²⁵. Программа газеты была утверждена без изменений²⁶.

III

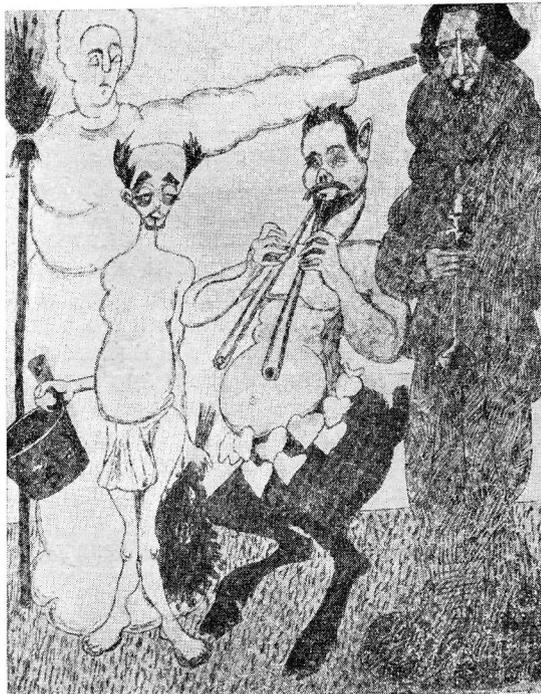
С получением права на издание для Минского встал вопрос о сотрудниках, которые вели бы политико-экономический отдел. В статьях, посвященных истории его «редакторства»²⁷, он признавался, что, еще задолго до встречи с марксистами решил «основать газету в союзе с кружком лиц», в свободолюбии которых он был бы вполне уверен и которым «мог бы поручить ведение политического отдела, оставив за собой философский и художественный»²⁸.

Вначале он обратился к... Струве: «Проездом через Париж я счел нужным посетить г. Струве и поговорить с ним об издании. Сознаюсь откровенно: имя г. Струве в то время было окружено для меня известным ореолом. Я считал его, если не правоверным, то все же марксистом... Г. Струве отнесся весьма сочувственно к моей основной идее создать оппозиционно-идеалистическую газету, охотно согласился сотрудничать, советовал обратиться к доценту С. Котляревскому и обещал прислать письма к некоторым своим друзьям»²⁹. Но, повидимому, «свободолюбие» Струве внушило Минскому серьезные сомнения, и, приехав в Петербург, он под влиянием револю-

БЛОК, КУЗМИН, БРЮСОВ, АНДРЕЕВ

Карикатура из журнала

«Новый сатирикон», 1910 г.

ционных событий решил, что единственным «кружком», в «политическом радикализме» которого не может быть никаких сомнений, является «кружок марксистов»:

«В это время со всей силой разразилась у нас революция, начались политические забастовки, и я очутился там, где не мог не стоять в силу своего духовного уклада, по условиям своей натуры: в крайнем ряду крайней левой»³⁰. «...наиболее желанными союзниками представлялись марксисты... ибо не могла быть никакого сомнения, что в начинающейся политической борьбе главное ядро борцов за свободу составит организованный, сознательный пролетариат»³¹.

Последующие объяснения Минским своего «союза с социал-демократами», как осуществления мечты о «синтезе между практическим и теоретическим идеализмом», интересны лишь, как попытки как-то мотивировать свое «полевение». Но большевики, в силу необходимости принужденные обратиться к Минскому для получения права на издание легальной газеты, твердо заявили ему, что она должна вестись в духе марксистской программы, и выставили ряд условий, обеспечивавших партийной части редакции свободу действий.

Как можно заключить из проектов договора между Минским и членами редакционного комитета «Новой Жизни»³², он с самого начала не обольщался возможностями идейно-философского перевоспитания марксистов и ведения в газете пропаганды «религиозной истины». Проекты этих договоров, составленные самим Минским и написанные его рукой (один проект — черновой, второй — перебеленный, третий — переписанный на машинке), адресованы издателю «Новой Жизни» М. Ф. Андреевой³³. Эти проекты, написанные до начала выхода газеты, свидетельствуют о том, что вопрос о роли Минского в редакции был заранее решен в прямой и открытой форме. Приводим текст, переписанный на машинке*.

* Зачеркнутые места заключены нами в квадратные скобки.

М[илостивая] г[осударыня],

Имею честь довести до Вашего сведения, что, на основании состоявшегося между нами соглашения, я уступил Вам в полную собственность половину моих издательских прав на газету «Новая Жизнь», о какой уступке обязываюсь заявить в Главное управление по делам печати³⁴. Получив право соиздателя, Вы вносите потребные для ведения газеты средства, которыми распоряжаетесь по полному своему усмотрению. В возможных убытках по изданию я не участвую, а равно я от своей доли в прибылях отказываюсь в Вашу пользу. В качестве редактора я получаю жалованье не менее...³⁵.

В основу ведения газеты кладутся следующие нормы, выработанные мною и означенным кружком приглашенных Вами лиц: 1. Политический и экономический отдел, понимая его в самом широком смысле, ведется в духе марксистской программы, в пределах цензурности. 2. Информационно-культурный отдел ставится возможно широко и полно. 3. Мне предоставляется ведение литературно-философского отдела, при чем А. М. Горькому предоставляется соредактирование в лит.-художественном отделе. 4. Заведывание как политико-экономическим, так и литературно-философским отделами предполагает свободу философских воззрений руководящих лиц, при чем, само собой разумеется, что эти воззрения не должны противоречить программе газеты. 5. Редакционные дела ведутся на коллегиальном начале. Образуется редакционное бюро из заведующих главными отделами, которые устанавливают распределение материала в газете, приглашают сотрудников и разрешают прочие вопросы и недоразумения, возникающие в пределах редакционной работы. Заведующие отделами автономны в пределах своих отделов. Редакционное ядро назначает лицо для составления номера. Мне принадлежит право занять своими статьями в газете место в размере четырех фельетонов в месяц.

В случае, если приглашенная Вами группа пожелает издать отдельно от меня свою собственную газету под редакцией избранного ею лица, наши соиздательские отношения ликвидируются, и Вы возвращаете мне уступленную мною Вам ныне половину издательских прав так же безвозмездно, как получили ее от меня. При этом само собой разумеется, что подписчики должны быть удовлетворены из подписных сумм. О выходе означенной группы Вы обязываетесь сообщить мне заблаговременно, не менее чем за шесть недель. С ликвидацией наших отношений за все время, пока я буду издавать газету «Новая Жизнь», я обязываюсь уплачивать Вам ежегодно одну четверть чистой прибыли, если газета будет приносить таковую.

О согласиИ Вашем на изложенные в этом письме условия прошу Вас письменно мне подтвердить.

Таково содержание условий, которые Минский предлагал для включения в договор. Другие тексты проектов, написанных Минским, существенных вариантов не содержат, за исключением отдельных технических деталей. Лишь во втором, перебеленном автографе имеется следующий пункт, очень важный для характеристики понимания Минским своей роли официального редактора:

«В ведении дела по моей функции ответственного редактора издания я, в пределах закона и цензурных условий, обязан сообразоваться с руководящими началами издания, изложенными в особом, подписанном нами документе. Если бы я, по заключению сведущих в литературном деле лиц, допустил серьезное нарушение этих начал, делающее для Вас и кружка привлеченных Вами к ближайшему участию в издании лиц невозможною дальнейшую совместную работу, Вы получаете право оставить издание всецело за собою, удовлетворив меня за мою половину, по оценке его стоимости авторитетными экспертами».

Если учесть, что все эти проекты были написаны самим Минским, то становится очевидным весьма важный факт: при проведении партийной частью редакции своей линии никакой «узурпации» прав редактора, как об этом после поражения революции писали символисты и сам Минский, не производилось. Минский сам признавал, что его «философские воззрения не должны противоречить программе газеты». А программа газеты — как указано в его же проектах — марксистская. Иначе говоря, Минский отказывался от пропаганды в газете символистско-мистических идеалов, что подтверждается также его согласием на соредктирование литературно-художественного отдела М. Горьким, а также следующим документом, подписанным членами редакционного комитета за пять дней до выхода первого номера газеты³⁶:

«В заседании редакционного комитета «Новой Жизни» от 22 октября 1905 г. Н. Минский предложил заменить существующие между ним и издательницей М. Андреевой договорные отношения отношениями непосредственно товарищескими с товарищами, составляющими редакционное ядро газеты, руководствуясь целями и интересами партии. Означенное предложение редакционным комитетом встречено сочувственно и принято. В свою очередь, члены редакционного комитета обязались в случае окончательного освобождения печати от цензурных стеснений и обнародования закона о явочном порядке продолжать вести «Новую Жизнь» под тем же названием и за подписью М. Андреевой или другого товарища, как издателя, и Н. М. Минского, как редактора-издателя, при сотрудничестве Н. Минского, как заведующего литературно-философским отделом, при чем это обязательство сохраняет свою силу и в том случае, если бы товарищи сочли нужным на ряду с общественной газетой издавать официальный орган партии. Обязательство это теряет свою силу только в том случае, если бы Н. Минский настаивал на печатании статей, идущих вразрез с политической и социальной программой газеты. Вопрос о том, противоречит ли спорная статья программе партии или нет, решается или общим собранием членов редакции или другим способом, которые обе стороны найдут для себя удобным. Само собой разумеется, что Н. Минский, как и все другие заведующие отделами, сохраняет свободу своих философских воззрений, насколько они не противоречат политической и экономической программе партии».

Таково было положение дел в редакции «Новой Жизни» за несколько дней до выхода первого номера.

IV

Первый номер «Новой Жизни», вышедший 27 октября (9 ноября) с приложением программы РСДРП, по воспоминаниям одного из журналистов того времени, «произвел впечатление «взорвавшейся бомбы»³⁷. Кроме политических статей, в которых разъяснялись смысл происходивших событий и роль пролетариата в революции и разоблачалась тактика либеральной буржуазии, в нем были помещены телеграммы, информация, отдел «на фабриках и заводах», иностранный отдел и обзор печати. Передовая заканчивалась призывом к рабочему классу «организоваться под знаменем социал-демократии в рабочую партию, так как только такая партия сохранит ему достигнутые победы и поведет к новым, только она свяжет его с международным пролетариатом в одну великую семью». В газете был напечатан аншлаг: «Вследствие спешности выпуска в настоящем номере «Новой Жизни» отсутствуют некоторые постоянные отделы». Однако, несмотря на спешку, номер получился боевым, мобилизующим пролетариат на борьбу, призывающим не мириться с «полумерами и полуреформами».

В литературном отделе первого номера наиболее социально-заостренными были «Заметки о мещанстве» М. Горького. Разоблачая реакционную

роль мещанства, которое «всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий», вскрывая гнилое содержание мещанского «гуманизма», Горький коснулся также и социальной функции литературы «командующего класса». Слова Горького: «Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии», были, по существу, обращены прямо к символистам, так же, как и следующее место его фельетона: «Что им (мещанам. — Б. М.) делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетика... печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собой клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха...». Таким образом, напечатание этого фельетона Горького как бы подчеркивало, что помещение в этом же номере произведений некоторых сочувствовавших революции символистов вовсе не снимало вопроса о реакционности идейно-творческих принципов символизма.

В тех своих произведениях, которые были напечатаны в «Новой Жизни», Бальмонт, З. Венгерова, Л. Виленкина и др. представляли перед читателем не как символисты, а как выразители сочувствовавших революции слоев интеллигенции. К. Бальмонт — этот камерный лирик, воспевавший «безбрежность», «тишину» и сердце, которое «только в себя невозвратно влюблено», напечатал в первом номере «Новой Жизни» следующее стихотворение:

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ

Рабочий, только на тебя
 Надежда всей России,
 Тяжелый молот пал, дробя
 Оплоты крепостные.
 Твой молот — твой. Пою тебя
 Во имя всей России!
 Ты знал нужду, ты знаешь труд,
 Ты слишком знаешь голод.
 Но ты восстал. С тобой идут
 Все те, кто сердцем молод.
 Будь тверд, яви еще свой суд,
 Острог не весь расколот.
 Тебя желают обмануть,
 Опять, опять и снова.
 Но ты нам всем наметил путь,
 Дал всем свободу слова.
 Так в бой со тьмой, и грудь на грудь;
 Ты зов Сторожевого,
 Сторожевой средь темноты
 Сторожевой средь ночи —
 Лишь ты бесстрашно-смелый, ты,
 Твои нам светят очи.
 Осуществятся все мечты
 Ты победишь, Рабочий!

Абстрактность образов и искусственная приподнятость этого стихотворения свидетельствуют, что выраженные в нем идеи не были у Бальмонта органичными. Поверхностность бальмонтского революционизма сказалась и в поэтической декларации Бальмонта, которой он пытался объяснить свой идейный перелом³⁸:

ПОЭТ — РАБОЧЕМУ

Я поэт, и был поэт
 И поэтом я умру!
 Но видал я с детских лет
 В окнах фабрик поздний свет,
 Он в уме оставил след,
 Этот след я не сотру.
 Также я слышал гудок,
 В полдень, в полночь, поутру.
 Хорошо я знаю срок,
 Как велик такой урок,
 Я гудок забыть не мог,
 Вот я звук его беру.
 Почему теперь пою?
 Почему не раньше пел?
 Пел и раньше песнь мою.
 Я — литейщик, формы лью,
 Я кузнец, я стих кую,
 Пел, что молод я и смел.
 Был я занят сам собой,
 Что ж, я это не таю.
 Час прошел. Вот час другой.
 Предо мною вал морской,
 О, рабочий, я с тобой,
 Бурю я твою — пою!

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Шарж М. Добужинского
 Русский музей, Ленинград

Объяснение Бальмонтом своей эволюции тем, что он «видел с детских лет в окнах фабрик поздний свет» и что, подобно кузнецу, «стих кует», конечно, не было художественно-убедительным и дало повод Буренину для злобного издевательства над поэтом в одном из своих очередных пасквильных фельетонов «Нового Времени». Содержание своей «революционности» Бальмонт раскрыл много позднее, в изданной в 1917 г. брошюре «Революционер я или нет?». Всячески стараясь доказать свою преданность «преображающей грозе революции» и ненависть к самодержавию, он в то же время обнаружил в этой брошюре враждебность ко всему, что выходит за пределы буржуазных преобразований.

Своей дальнейшей эволюцией Бальмонт доказал правильность слов, сказанных в редакционной передовой первого же номера «Новой Жизни»: «...совместная борьба пролетариата с буржуазными классами за освобождение может быть только временной. В ходе этой борьбы неизбежно наступит момент, когда буржуазия предаст рабочий класс реакции». Но в 1905 г. еще трудно было предвидеть, что после победы пролетариата Бальмонт окажется врагом восставших им рабочих. И он и некоторые другие писатели его круга с воодушевлением приветствовали на страницах «Новой Жизни» пролетариат и революцию. Даже театральные рецензии З. Венгеровой, напечатанные в «Новой Жизни», были политически заостренными. Оценивая постановку в «Новом театре» пьесы А. Шницлера «Зеленый попугай»³⁹, она объясняет успех ее, главным образом, тем, что на сцене был показан «последний день старой Франции, день взятия Бастилии и кликов торжествующей демократии», а этого уже достаточно, «чтобы в наши дни наэлектризовать зрительный зал». Положительными достоинствами пьесы Венгерова считает «высмеивание аристократов», яркий показ «бездушия собственников, глумящихся над поработленным народом», «слабумия царедворцев»; «революция побеждает скептическую философию старого мира — вот смысл пьесы Шницлера». И, наоборот, в своем отзыве о пьесе В. В. Барятинского «Кочургин в деревне» она подчеркивает отрицательные стороны — идеализацию автором родовитой знати и отсутствие идейной направленности, замечая: «...в пьесах кн. Барятинского публике нравится, однако, главным образом, то, что направлено против чиновничества, от губернаторов до низших канцелярских и полицейских чинов»⁴⁰. Так писательница, прежде судившая о художественных произведениях с точки зрения соответствия их содержания правилам символистской эстетики, перестроила свой критерий...

Вполне определенные позиции заняли и писатели несимволистского лагеря, сотрудничавшие в «Новой Жизни», — Тэффи, Е. Чириков и др. Тэффи, работавшая раньше, главным образом, на вкусы мелкобуржуазного обывателя, напечатала несколько публицистических стихотворений, очерк о революционной демократии и фельетон, в котором сатирически изображалась деятельность буржуазных партий. Ее стихотворение «Пчелка» — о швеях, сшивших «красное знамя свободы» (ранее напечатанное в большевистской газете «Вперед»), — имело в те годы большой успех. Менее известно ее другое стихотворение «Патроны и патрон», напечатанное в пятом номере «Новой Жизни»:

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое,
Едет Трепов в Петергоф.
Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.

Два шпиона-provokatora
 Сушат мокрые платки.
 «Ах! Подобного нелепого
 Я не ждал себе конца:
 Генерал-майора Трепова,
 Благодетеля-отца,
 Кто порядки образцовые
 Ввел словами: «Целься! Пли!»
 В коменданты во дворцовые
 Не спросился упекли!
 Ведь для них я был мессией,
 Охранял и строй, и трон,
 Был один над всей Россией
 Покровитель и патрон!»
 — Трепов! Не по доброй воле
 С места вам пришлось слететь?
 Сами вы учить изволили,
 Чтоб патронов не жалеть!

Несколько сатирических произведений напечатал в «Новой Жизни» Е. Чириков. В его сказке «Орел и курица»⁴¹ аллегорически изображалась трусость либеральной буржуазии, которая боялась освободить «орла» из клетки, утверждая: «Нельзя выпускать орла. Его клюв обратится на нас же!». О характере фельетона Е. Чирикова «Рождение новой партии», разоблачавшего предательскую контрреволюционную роль кадетов, дает понятие уже самое начало: «Вспоминалось мне часто щедринское выражение «применительно к подлости», когда я присутствовал в качестве стороннего наблюдателя на организационном съезде новой партии, назвавшей себя «конституционно-демократической»⁴². Следует отметить, что разоблачению политики буржуазных партий в революции 1905 г. было посвящено большинство напечатанных в «Новой Жизни» литературных произведений. К ним относится и следующее стихотворение Бальмонта⁴³:

МЕЩАНЕ

Мне больно. Это ли есть мир?
 И эти люди — вправду люди?
 Не к мелким дьяволам на пир
 Попал я — в шарлатанском чуде?
 Рабы друг друга предают,
 Чтoб побрататься в яме тесной.
 Нет, этим — вправду нужен кнут,
 Не их телесный, — мой словесный.
 Я думал видеть лес дубов,
 Иудин вижу я осинник,
 Не стан бойцов, — кагал бесов,
 На коем сыщик именинник!

Это стихотворение несравненно художественнее, чем к «Русскому рабочему» и «Поэт — рабочему». Оно несколько неожиданно сближает Бальмонта с Брюсовым, который, в связи с изданием манифеста 18 октября, написал стихотворение «Довольным», обличавшее «радость стада, нашедшего клочок травы».

V

Однако, несмотря на то, что в напечатанных в «Новой Жизни» художественных произведениях символистов никакой враждебной пролетариату пропаганды не велось и что Минский обязался не противодействовать программе газеты, партийное руководство редакции, конечно, предвидело, что позже или раньше конфликт неизбежен. И в самом деле, не прошло и нескольких дней после выхода первого номера, как Минский изменил одному из пунктов им же подписанного условия. Поводом к этому послужили его попытки отвести адресованные ему реакционной прессой упреки в измене «дорогим сердцу русского интеллигента идеалам».

Выход «Новой Жизни» вызвал многочисленные отклики буржуазных газет. Особенно неистовствовало реакционное «Новое Время», напечатавшее по поводу «редакторства» Минского ряд заметок и статей. В заметке, помещенной 30 октября, объяснение Минского о причинах его сочувствия делу пролетариата называлось «мистическим» и «неудобопонятым», а 28 октября квалифицировалось, как «водевиль с переодеванием». 8 ноября там же печатается большая карикатура на Минского с подписью: «Пролетарий из «Новой Жизни», 18 ноября ему посвящается очередная фельетон В. Буренина. Бешеную травлю Минского начал и «Сын Отечества», откликнувшийся на первый же номер «Новой Жизни» заметкой «Несколько слов новоиспеченному социал-демократу», в которой указывалось, что «идея социал-демократии так же чужда Минскому, как чужд рабочему классу г. Минский с его мэонами и мистицизмом»⁴⁴. Кроме ряда обзоров и мелких статей на эту тему, «Сын Отечества» поместил специальное стихотворение, написанное пользовавшимся симпатиями буржуазного читателя «Гейне из Тамбова»⁴⁵. Стихотворение это оканчивалось строками:

И меня лелеют грезы,
 Далеко летит мечта:
 Вижу я метаморфозы —
 Не овидьевым чета:
 Дама Тэффи станет прачкой,
 Минский кузню заведет,
 И Бальмонт из барок тачкой
 Выгружать дрова начнет.
 Вместе с тем, служа отчизне
 (Прочны старые грехи!),
 Будут стряпать в «Новой Жизни»
 Фельетоны и стихи.

Травлю Минского начала также и «Наша Жизнь».

Если бы Минский окончательно и бесповоротно стал на сторону пролетариата, то в ответе на нападки газет он прямо заявил бы о своем отказе от ранее защищавшихся им идей, о разрыве со своим классом. История революции знает примеры подобной эволюции буржуазных идеологов. Вспомним, как отвечал Брюсов своим бывшим соратникам на обвинение «в измене» после Октябрьской революции. Но Минский, как мы показали выше, несмотря на свое полевение, не отказался от притязаний на сохранение идейного порабощения народа путем синтеза «социал-демократизма» и «мистицизма».

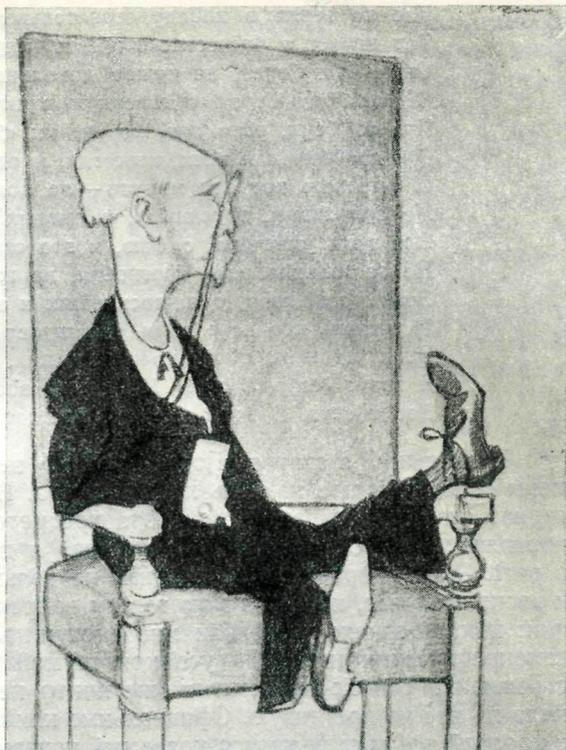
В заметке «Pro domo sua»⁴⁶ он писал:

«Одна из консервативных газет, отличающаяся тем, что вся ее редакция состоит из бывших либералов, выражает свое удивление по поводу того, что я, будучи мистиком, пристал к социал-демократическому движению. В этих словах верно лишь то, что я в последние годы в самом деле занимался философскими проблемами и написал книгу о мистическом разуме. Но я ду-

ФЕДОР СОЛОГУБ

Шарж Реми

Русский музей, Ленинград

маю, что между истиной философской и истиной политико-экономической нет противоречия, как нет противоречия между математикой и химией. Противоречие существует только между истиной и ложью. Вот если бы я когда-нибудь участвовал в газете упомянутой или в подобных ей органах, а потом пристал к социал-демократии, меня в самом деле можно было бы винить в непоследовательности и в том, что я разыгрываю «водевиль с переодеваниями». Долго размышляя о возможности воплощения истины на земле, я пришел к убеждению, что величайший враг философии не кто иной, как буржуазное общество, постыдно равнодушное к истине, ущемленное в своей срединности, трусливости, непоследовательное, признающее только одну философию — приспособляемости к обстоятельствам минуты и одну религию — комфорта и спорта. Мистика, по самому своему существу дерзновенная и чистая, может мириться в области воли с такой же дерзновенной, как она сама, с такой же безбрежной по своим горизонтам доктриной, какой является доктрина социал-демократии. Если мистической истине суждено одержать когда-нибудь победу над духом людей, то я уверен, что победа эта совершится только в чистой атмосфере экономической правды и всеобщего, свободного, радостного, никем не эксплуатируемого труда».

«Защите себя» посвящена и другая статья Минского. Здесь он признался, что принадлежит «к тем, для кого только-что пережитые события прошли не бесследно, показав им в новом свете все прошлое и будущее человечества», и что для него стала очевидной историческая роль пролетариата, классовые интересы которого «без остатка сливаются с интересами всемирной справедливости»⁴⁷.

Бальмонт ответил на травлю реакционной печати следующим стихотворением, озаглавленным «Начистоту»⁴⁸.

Кто не верит в победу сознательных, смелых рабочих,
 Тот играет в бесчестно-двойную игру.
 Он чужое берет, на чужое довольно охочих,
 Он свободу берет, обогренную кровью рабочих.
 Что ж, бери, всем она, но скажи: «Я чужое беру».
 Да, свобода для всех, навсегда, и однакож вот эта свобода,
 И однакож вот эта минута — не комнатных душ,
 Не болтливых, трусливых, а смелых из бездны народа,
 Эта воля ухвачена с бою, и эта свобода —
 Не застольная речь красная, не жалкий извилистый уж.
 Это кровь, говорю я, посмевших и вставших рабочих,
 И теперь, кто не с нами, тот шулер продажный и трус.
 Этих мирных, облыжно-культурных, мишурных и прочих
 Я зову: «старый сор!» И во имя вставших рабочих
 Вас сметут. В этом вам я, как голос прилива, клянусь!

Но Минский в статье «Подите прочь!» не ограничился признанием перемены своих взглядов на роль пролетариата. После утверждения, что «пролетариат стал для современного поэта предметом поклонения и восторга», он продолжал: «Г. С. из «Сына Отечества» я должен сказать несколько слов à part. Этот разобиженный инициал не только закидывает меня вопросами и восклицаниями, но через мою голову попрекает моих товарищей по редакции: как, мол, они позволили мне выступить в роли застрельщика социал-демократических идей? Да успокоится мой разозленный собрат. Роли застрельщика социал-демократии мне никто не предоставляет, да я и сам ни мало на нее не претендую. Официальные клички не имеют значения в газете, в которой все дела ведаются коллегией товарищей. В этой коллегии мне принадлежит такой же голос, как другим товарищам. Объединяет нас всех политико-экономическая догма марксизма. Программе рабочей партии мы все одинаково верны без условий и без ограничений. Не сходимся мы только во взглядах на вопросы философии и мистики. Мои товарищи склонны к материализму и полагают, что *die Religion ist eine Privatsache* (религия — частное дело каждого человека), я же уверен, что религия — дело всего человечества, конечно, религия разума, а не то, что изуверы и обманщики называют этим именем».

Может быть, этим признанием Минский желал лишь избежать обвинений в непоследовательности? Может быть, его попытки доказать закономерность своей эволюции имели лишь чисто биографический характер и не были связаны с его поведением в редакции «Новой Жизни»? Но факты говорят обратное. Обязавшись даже свой литературно-философский отдел вести в пределах программы газеты, он не сдержал своего слова, пытаясь, хотя и безуспешно, протащить на страницы газеты враждебные марксизму идеи. Вот как сам Минский описывая впоследствии свой конфликт с редакцией:

«Они (члены редакции. — Б. М.) нарушили со мной договор с бесцеремонной резкостью. После первого же номера, сразу определившего успех газеты, редакционная коллегия забрала в свои руки все издание, так что за исключением первого листа я ни одного номера не подписал и не выпускал. Еще в первые дни я присутствовал на редакционных собраниях и печатал в газете несколько статей, но вот является фельетон Горького, в котором занятия философией приравнены к ужению рыбы, которое так любезно лентяям, а Толстой и Достоевский названы выразителями мещанских идеалов.

Я немедленно написал ответ Горькому... но редакционная коллегия не только стала на стороне Горького против меня, но и воспротивилась напечатанию моего ответа. На мои ссылки на наш договор, обеспечивающий мне свободу философских воззрений, товарищи ответили, что по условию газета

издается по марксистской программе...»⁴⁹. В этой «исповеди», напечатанной Минским в эпоху реакции с целью «реабилитации» себя перед символистской общественностью, все факты искажены и документально опровергаются приведенными в нашей работе материалами и документами.

Мы видели, что Минский в составленном им проекте договора с редакцией писал: «Заведывание как политико-экономическим, так и литературно-философским отделами предполагает свободу философских воззрений руководящих лиц, при чем, само собой разумеется, что эти воззрения не должны противоречить программе газеты». В приведенном нами выше протоколе, подписанном членами редакционного комитета «Новой Жизни», значилось: «Н. Минский, как и все другие заведующие отделами, сохраняет свободу своих философских воззрений, насколько они не противоречат политической и экономической программе партии». Поэтому его слова о «бесцеремонной резкости» редакционной коллегии насквозь ложны. Намеренно искажено Минским и содержание «Заметок о мещанстве» М. Горького.

Горький писал в своих «Заметках», вовсе не отрицая значения философии вообще, о бегстве мещан от битв жизни «в темные уголки мистицизма, к красивенькие беседки эстетиков». В разделе о Толстом и Достоевском Горький, подчеркивая гениальность этих писателей, которые «силою своего таланта потрясли весь мир», восставал против их проповеди терпения и непротивления злу. Конечно, редакция «Новой Жизни» не могла согласиться напечатать ответ Минского Горькому, в котором он приписывал великому пролетарскому писателю роль разрушителя мировой культуры и выражал скорбь по поводу того, что «мистические идеи появились в русской литературе только в самое последнее время маленькими, чуть заметными светлыми струйками»⁵⁰. То, что не мог понять Минский, возмущавшийся поведением редакции «Новой Жизни», было понятно даже его наиболее правым литературно-философским единомышленникам. Так, Д. Философов писал в газете «Наша Жизнь»:

«...г. Минский жалуется, что с ним поступили и резко и грубо. Может быть. Но иначе они (члены редакции «Новой Жизни». — Б. М.) и поступить не могли. Они вступили в реальную политическую борьбу, засучивши рукава, в буквальном смысле рискуя своей жизнью, а г. Минский хотел читать им лекцию о мэонизме. Такое легкомысленное самообольщение для трезвого человека непорочно»⁵¹.

В статьях об истории своего редакторства Минский свел свои разногласия с редакцией «Новой Жизни», главным образом, к инциденту с «Заметками о мещанстве» Горького, умолчав о другом весьма важном факте.

В двенадцатом номере «Новой Жизни» была напечатана знаменитая статья Ленина «Партийная организация и партийная литература». В этой статье, определившей все дальнейшее развитие большевистской печати и направленной против буржуазно-анархического индивидуализма, блестяще разоблачалась также истинная сущность речей об «абсолютной свободе». «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе противопоставить действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу».

Отклики символистов на эту статью Ленина являются ярким доказательством того, что воспевание пролетариата и «обновляющей грозы революции» нисколько не мешало им оставаться глубоко враждебными пролетариату буржуазными идеологами.

Наиболее резкий ответ Ленину был написан Валерием Брюсовым⁵². Признавая, что «свобода слова (пусть еще неполная, пусть вновь урезанная)... была достигнута не чем другим, как энергией «российской социал-демократической рабочей партии», Брюсов выступил против утверждения Ленина о лицемерности речей буржуазных индивидуалистов об «абсолютной свободе». Возражения, сделанные Брюсовым Ленину, не только реакционны, но и весьма наивны. Так, он доказывал существование «свободы художника» в буржуазном обществе тем, что Артур Рембо, Поль Гоген и другие «работники нового искусства» безразлично отнеслись к вкусам буржуазной публики и поэтому «должны были терпеть и голод и бесприютность»⁵³.

Но ведь это лишь подтверждает зависимость художника от буржуазного издателя, от буржуазной публики! Реакционная статья Брюсова представляет интерес, конечно, не своей аргументацией, а тем, что в ней с исчерпывающей ясностью обнаружен предел, до которого символисты были готовы поддерживать борьбу пролетариата.

Отклики других символистов на статью Ленина варьировали эти же мысли. Так, Д. Философов в статье «Яд власти», клеветнически утверждая, что пролетариат попирает «вечные ценности», с лицемерным испугом вопрошал: «Что будет с «клерикалом» Данте, с «буржуа» Гете, с «аристократом» Байроном? Выбросить их сочинения в печку?»⁵⁴. И вот Минский, который резко полемизировал с Философовым и Брюсовым по вопросу о роли пролетариата в историческом процессе, в этом вопросе был с ними солидарен. Свидетельством этого явилось его «Открытое письмо В. Ленину», которое он, подобно «Ответу М. Горькому», предназначал для напечатания в «Новой Жизни»⁵⁵.

Это письмо, в котором мистицизм, реакционные политические взгляды и барское пренебрежение к «крестьянам, солдатам и ремесленникам» совмещаются с незнанием элементарных основ философии марксизма, разумеется, не было напечатано в «Новой Жизни». Но самый факт написания его Минским показывает, насколько прав был Ленин, когда, приехав в Петербург, поставил вопрос об освобождении состава редакции от чуждых партии лиц. В. А. Десницкий, присутствовавший вместе с А. М. Горьким на заседании, состоявшемся тотчас же после приезда Ленина, рассказывает в своих воспоминаниях:

«Прежде всего Владимиром Ильичем был резко поставлен вопрос о ликвидации поэта Минского, как члена редакции «Новой Жизни».

— «Новая Жизнь» — партийный орган и в нем не место, тем более в руководящем центре, людям, не имеющим к партии никакого отношения.

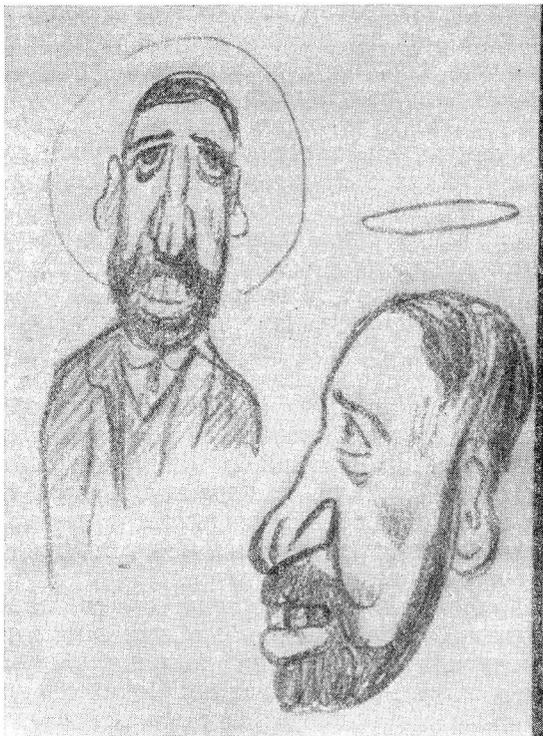
Владимир Ильич предлагал итти на всякие жертвы денежного порядка, вытекающие из договорных отношений возникновения газеты, как органа легальной печати. «Теперь такое положение нестерпимо...». Горький с полным одобрением отнесся к предложениям Ленина»⁵⁶.

Таким образом, попытки Минского, пользуясь своим положением официального редактора, повлиять на направление «Новой Жизни» потерпели полное поражение, несмотря на то, что в своем стремлении пропагандировать на страницах газеты свои мистические идеалы он был, повидимому, весьма настойчив. По словам А. В. Луначарского, «...со стороны Минского была сделана даже попытка чего-то в роде переворота в редакции «Новой Жизни»: а именно создания союза между наиболее левыми интеллигентами и... большевиками... Конечно, на это предложение я ответил только пожатием плеч»⁵⁷.

Даже сам Минский, характеризуя отношение к нему членов редакции, не мог не признаться, что «перед собою и своими партийными интересами они были вполне правы»⁵⁸. Однако, это признание не помешало ему возвести на редакцию «Новой Жизни» целый ряд ложных обвинений.

VI

Почти каждый номер «Новой Жизни» давал повод для переписки между Главным управлением по делам печати и С.-Петербургским цензурным комитетом о необходимости «пресечения» деятельности лиц, своими статьями «возбуждающих к бунтовщическим действиям и ниспровержению существующего строя». Постановление цензурного комитета о выходе первого номера гласит: «Усматривая в 1-м номере от сего 27 октября газеты «Новая Жизнь», при котором разослана программа Социал-демократической рабочей партии, «принятой на втором съезде партии», признаки преступления, предусмотренного 1 и 22 пп. 129 ст. Уголовного уложения изд. 1903 г., СПб. цензурный комитет постановил: возбудить против редактора-издателя названной газеты «Новая Жизнь» Николая Максимовича Виленкина (Минского), а также против других лиц, могущих оказаться виновными по настоящему делу, уголовное преследование»⁵⁹. На разборе этого дела

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
Шарж М. Добужинского
Русский музей, Ленинград

в судебном заседании Минский был заочно оправдан со следующей мотивировкой судьи: «Представитель обвинения в судебном заседании отказался от обвинения Виленкина, удостоверив, что последний состоял лишь редактором «Новой Жизни», а не издателем ее; принимая во внимание, что обязанность представления номеров газеты в цензуру возлагается на издателя, а не на редактора, я нахожу, что обвинение в этом проступке не может быть предъявлено к Виленкину»⁶⁰. Издателем же, как известно, числилась М. Ф. Андреева, о которой ни в цензурном комитете, ни в управлении по делам печати никаких сведений не имелось.

Вопрос о «Новой Жизни» стоял чуть ли не на каждом заседании цензурного комитета, но закрыть газету царское правительство решилось лишь 2 декабря, после напечатания «Манифеста РСДРП».

Как признавался Минский, в последние дни существования «Новой Жизни» члены редакции не раз предлагали ему «снять из осторожности свою подпись как ответственного редактора», но он «не сделал это из чувства брезгливости, не желая сойти с опасного поста»⁶¹.

Не прошло и полугода, как Минский, скрывшись от судебного преследования за границу, начал исповедываться в своих грехах: 12 марта 1906 г. в газете «Русь» появилась большая статья Минского «История моего редакторства», в которой он всячески старался доказать, что он «не отрекся от самого себя». Говоря, что между мистикой и сочувствием рабочему классу «нет никакого противоречия», он следующим образом мотивировал свое «кратковременное редакторство»:

«Я стал социал-демократом не так, как обыкновенно делается им русский человек: не через чтение социальных книг, не через посещение собраний. К партии социал-демократов, в строгом значении слова, я никогда не принадлежал, никаких степеней агитатора, пропагандиста и др. не проходил и в общем, привыкши к художественной и философской дисциплине, чувствовал бы себя тесно в рамках какой бы то ни было партии... Я стал социал-демократом, как говорят в математике, от противного, убедившись в полной несоизмеримости существующего капиталистического уклада с мистической истиной, возненавидев буржуазный строй души и устремившись мечтою к лучшему будущему».

Любопытно также признание Минского, почему он стал верить в историческую роль пролетариата: «Бердяев вместе с Мережковским, подражая щедринскому: «Чумазый идет», готов, в виду наступающей власти пролетария, воскликнуть: «Хам идет!». Я не знаю слов, более самодовольно неверных, чем эти разглагольствования о грядущем хаме. Нет, с победой рабочего класса грядет не хам, а идет на смену культурному мещанину культурный аристократ, новый афинянин».

Что же хотел Минский нести рабочему классу, какими средствами думал он способствовать культурному росту пролетариата? Ответ на этот вопрос дают его следующие слова:

«Рабочая среда кажется мне самой благодарной для проповеди религии разума. Сознаю, что, вступив в союз по изданию газеты с вождями социал-демократии, я надеялся воздвигнуть в самом центре рабочего движения кафедру для проповеди нового идеализма. Меня могут упрекать в самоуверенности, в наивности, но никак не в отречении от своего идеала или непоследовательности. Сознаю также, что попытка моя на этот раз потерпела полную неудачу».

Изложив таким образом свое credo, Минский назвал сопротивление редакции «Новой Жизни» его попыткам засорять сознание рабочих в самое напряженное время революционной борьбы мистическими бреднями — «диким издевательством над метафизикой и мистикой», «вандализмом».

Но эта исповедь Минского все же не удовлетворила реакционную об-

щественность царской России. Некто «Свой» в статье «К исповеди одного редактора», напечатанной в «Слове», заявил, что метаморфоза Минского «слишком уж неожиданна даже для того времени неожиданностей»⁶². «Неубедительными» признал разъяснения Минского и Д. Философов, озаглавивший свою статью «История одного легкомыслия»⁶³. И совершенно отверг показание своего бывшего коллеги по «религиозно-философским собраниям» Д. Мережковский. В статье «О благородстве пролетариата»⁶⁴ он грозно вещал, что, «венчая пролетариат на грядущее царство, Минский подвергается опасности превращения грядущего царства в грядущее хамство», ибо «мэонизм... безоружен против соблазна социал-демократии». Статья кончалась угрозой: «...г. Минский окажется нашим врагом, если исполнит он то, что начал, довольно, впрочем, неудачно и неуклюже: свое мистическое соединение с Горьким».

Все эти отклики вызвали новую главу исповеди Минского — «Еще к истории моего редакторства»⁶⁵. Продолжая утверждать логичность синтеза социал-демократизма и мистики, он, стараясь как-то свести концы с концами, решается на следующий полемический ход:

«По мнению Мережковского, угроза хамства висит над каждым зазнавшимся классом, будь это капиталисты, будь это рабочие. Допустим и это. Но как же относится Д. Мережковский к самой борьбе между капиталистом и рабочими, кто, по его мнению, прав, кто виноват в этой борьбе? К кому спешит он на помощь? Вот вопрос, который должен задавать себе каждый общественный деятель или мыслитель. Тот, в чьем сознании ответ на этот вопрос ясен, кто сердцем, волей, умом на стороне труда, тот, каковы бы ни были его философские разногласия с социал-демократами, не может житейски фактически не причислить себя к их лагерю, не считать себя их другом и соратником».

Как мы видим, здесь Минский еще сохранил «оттенок благородства». Однако, с приходом всей буржуазной интеллигенции к «статус кво», перестал фрондировать и Минский.

Но «реабилитация» перед реакционной общественностью была для него недостаточной: ему необходимо было еще и прощение правительства царской России. В 1913 г. он посылает из Парижа покаянное заявление, в котором «в путях монаршего милосердия» ходатайствует об амнистии и разрешении беспрепятственно возвратиться в Россию. Доклад об этом, представленный министром юстиции Щегловитовым Николаю II, исключительно интересен не только как один из ярчайших документов гниения и распада российской буржуазной интеллигенции предвоенных лет, но и как показатель отчетливого понимания правительством охранительной функции литературно-общественной деятельности символистов⁶⁶ (см. приложение).

6 сентября 1913 г. Николай II наложил на этом докладе резолюцию: «с о г л а с е н». И Минский был прощен. 19 февраля 1914 г. Зинаида Венгерова подала в департамент полиции заявление с просьбой сообщить в пограничный пункт Вержболово, чтобы пропустили амнистированного Минского⁶⁷. В это время Федор Сологуб заканчивал статью «К приезду Н. Минского», которая начиналась словами: «Редакция радостно приветствует возвращение своего идейного единомышленника Н. М. Минского»⁶⁸.

Так завершилась история «сотрудничества» символистов в «Новой Жизни». В этой истории ярко отразилось их отношение к революции 1905 г. вообще. Сущность этого отношения может быть охарактеризована известными словами Ленина о «повороте» либеральной буржуазии после революции 1905 г.: «либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс...». «Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы»⁶⁹. Такую же эволюцию проделали и символисты, после 1905 г. бросившиеся в объятия реакции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ДОКЛАД МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ЩЕГЛОВИТОВА НИКОЛАЮ П]

В ночь на 7-ое февраля 1906 года в г. С.-Петербурге, в виду полученных С.-Петербургским охранным отделением сведений о том, что контора редакции газеты «Новая Жизнь», выходявшей в свет в ноябре и начале декабря 1905 года, но затем приостановленной по определению С.-Петербургской судебной палаты 2 того же декабря, служит местом конспиративных свиданий активных работников местной социал-демократической организации, а также явочным местом для иногородних членов российской социал-демократической рабочей партии, в названной конторе был произведен обыск, коим были обнаружены большое количество преступных воззваний и брошюр, изданных упомянутой партией, резолюции двух ее фракций — большинства и меньшинства, бланки с печатною надписью «Объединенный Центральный Комитет Р.С.Д.Р.П.», печать центрального комитета той же партии, отчеты различных иногородних комитетов и книга с шифрованными записями, представлявшими собою явочные адреса для различных городов империи.

К возникшему по сему поводу при С.-Петербургском губернском жандармском управлении, в порядке ст. 1035 Уст. Угол. Суд., формальному дознанию постановлением отдельного корпуса жандармов подполковника Пояркова 26 ноября 1906 года, в числе других лиц, был привлечен бывший редактор этой газеты присяжный поверенный, кандидат прав Николай Максимов Виленкин, он же, по литературному псевдониму Минский *, 50 лет, коему и было предъявлено обвинение в принадлежности к преступному сообществу, заведомо поставившему целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 126 ч. 1 Уголов. Улож.

Независимо от сего, постановлением судебного следователя по важнейшим делам при С.-Петербургском окружном суде Зайцова 9 декабря 1905 года тот же Виленкин-Минский был привлечен в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 103 ч. 1 Угол. Улож. за помещение в вышедшем 1 декабря 1905 года № 26 названной выше газеты статьи, заведомо для него содержавшей в себе оскорбительные, употребленные с целью возбудить неуважение, выражения по отношению к верховной власти.

По обоим делам Виленкин-Минский остался недопрошенным в качестве обвиняемого, так как до того еще скрылся за границу, в Париж, где проживает и в настоящее время. В виду сего, определением С.-Петербургской судебной палаты 2 октября 1906 года дело по обвинению Виленкина в преступлении, предусмотренном ст. 103 ч. 1 Угол. Улож., было приостановлено дальнейшим производством; дело же по обвинению его по ст. 126 ч. 1 Угол. Улож., согласно определению той же палаты 17 февраля 1907 года, было выделено из общего производства и приостановлено впредь до явки или задержания обвиняемого **.

* Иудейского происхождения, но православного исповедания.

** Кроме упомянутых двух дел, о Виленкине-Минском в округе С.-Петербургской судебной палаты были возбуждены еще дела по обвинению его по ст. 129 пп. 1, 2, 3 и 5 Угол. Улож. за напечатание в №№ 1, 6, 13, 14, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 26 и 27 газеты «Новая Жизнь», а также в изданной под его редакцией книге «На общественные темы» статей, заведомо возбуждавших к участию бунтовщического деяния, ниспровержению существующего в государстве общественного строя, неповиновению закону и законному распоряжению власти и нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы. Однако, по внесению по одному из этих дел, согласно постановлению судебного следователя 3 декабря 1905 года, в качестве меры пресечения, залога в сумме 10 000 руб. Минский 8 того же декабря скрылся за границу, почему производство упомянутых дел было приостановлено. Ныне по определениям СПб. судебной палаты 26 февраля, 9 апреля и 17 июля 1913 г. уголовное преследование по ним прекращено за силою п. 5 отд. XVIII именного высочайшего указа 21 февраля 1913 г.

В поступивших ныне прошении и письме на мое имя Виленкин-Минский, называя редактирование им газеты «Новая Жизнь» «сплошным литературным недоразумением», объясняет, что всю свою писательскую деятельность он по преимуществу посвятил разработке вопросов философии, религии, морали и искусства и мало интересовался политикой в тесном смысле слова. Приняв на себя в период наибольшего развития в нашем отечестве революционного брожения редактирование газеты «Новая Жизнь», являвшейся органом социал-демократической рабочей партии, он ставил себе целью и надеялся придать начавшемуся среди пролетариата «освободительному движению» идеалистически религиозный характер, в духе идей выпущенного тогда же в свет его сочинения «Религия будущего», и в договоре, который он заключил с кружком марксистов, предприняв-

М. А. КУЗМИН

Шарж В. Серова.

Частное собрание, Москва

шим издание названной газеты, выговорил себе личное бесконтрольное заведывание только философским и художественным отделами. Однако, упомянутые марксисты, в нарушение договора и данного слова, совершенно отстранили его от фактического редактирования газеты даже в упомянутых отделах и, образовав редакционную коллегию, решали все вопросы редакции газеты большинством голосов, без его участия, почему, за исключением первого номера газеты, да и то не в полном объеме, он номеров газеты к печати вовсе не подписывал, протесты же его и приготовленные к печати возражения коллегией не принимались. За единственный месяц невольного сотрудничества с марксистами Минский, по его словам, убедился, что «марксизм в глубочайших основах своих враждебен культуре, философии, религии и искусству». Выхав затем за границу, Минский развил этот свой взгляд на марксизм в ряде статей, частью помещенных в газетах «Русь» и «Утро России», частью же вошедших в его книги, и вы-

сказал в них резкое осуждение мыслям и действиям этой партии, которая в свою очередь объявила Минского своим «непримиримым идейным врагом». Признавая поэтому предъявленное ему обвинение в принадлежности к российской социал-демократической рабочей партии не вытекающим ни из его действий, ни из печатно развитых им идей и находя, что помещенные в газете «Новая Жизнь» оскорбительной для верховной власти статьи, — в чем он также обвиняется, — не может быть вменено в вину при описанных выше условиях редактирования им названной газеты, Виленкин-Минский ходатайствует о прекращении, в путях монаршего милосердия, обоих означенных дел, во внимание к его преклонному возрасту (57 лет) и расстроенному здоровью и о разрешении ему беспрепятственно возвратиться в пределы России.

О том же и по тем же основаниям всеподданнейше просит и жена названного обвиняемого Людмила Николаевна Виленкина-Минская.

Из представленных просителями номеров издающейся в Париже на русском языке газеты «Социалдемократ», — центрального органа российской социал-демократической рабочей партии, усматривается, что означенная партия, действительно, резко ограничивает себя от политических воззрений Минского и в ответ на его статьи, направленные против партии, сотрудники газеты называют его «апологетом провокации», «чернильным кули буржуазии», «слугой Столыпина», «поэтом и философом владык современного режима» и т. п., а его заметки о деятельности партии — «печатным доносом».

В пользу удовлетворения изъясненного ходатайства Минского с своей стороны представляется член Государственного Совета граф Витте, удостоверяющий, что проситель, по своим убеждениям, всегда был далек от революционных воззрений и подвергся привлечению к ответственности по издательству лишь благодаря своей излишней доверчивости, которою воспользовались окружавшие его в смутное время 1905 года неблагонадежные элементы.

Из показаний свидетелей, допрошенных на формальном дознании по упомянутому делу о Минском и других, видно, что вопросы направления газеты «Новая Жизнь», издававшейся на средства жены тайного советника Марии Желябужской (Андреевой) разрешались на коллегиальных началах кружком примыкавших к социал-демократической партии лиц, во главе коих стоял писатель Максим Горький (Алексей Пешков). Занятия Минского по сотрудничеству его в названной газете происходили не в конторе, а в помещении редакции, находившемся в другом доме и на другой улице, при чем среди обнаруженных по обыску в конторе рукописей, брошюр и других вещественных доказательств ничего принадлежащего лично Минскому не оказалось*.

Что же касается второго предъявленного Минскому обвинения, то основанием к таковому послужила перепечатка в № 26 газеты «Новая Жизнь» из прекращенного сатирического журнала «Дятел» трех вымышленных юмористических телеграмм, будто бы полученных по беспроволочному телеграфу из Колонгагена и Монте Карло и содержащих в себе дерзкие выражения в отношении верховной власти.

Литературная деятельность Минского, начавшаяся в 1876 г., выразилась в нескольких томах стихотворений и драматических пьес, стихотворных переводов «Илиады» Гомера и некоторых крупных произведений Шелли, этико-философском трактате «При свете совести», ряде журнальных и газетных статей по вопросам религии, искусства и культуры и др.

Вместе с тем Минский был в 1902 году одним из инициаторов «религиозно-философских собраний», при чем сделал несколько рефератов по вопросу рели-

* Привлеченный в качестве обвиняемого по ст. 126 ч. 1 Угол. Улож. одновременно с Минским и по тем же основаниям, как и он, секретарь редакции газеты «Новая Жизнь» почетный гражданин Исидор Гукровский приговором СПб. судебной палаты 16 декабря 1908 г. был признан оправданным, по недоказанности обвинения.

гии в Александро-Невской лавре в присутствии митрополита Антония, а в 1905 году прочел в столице и многих провинциальных городах лекции на тему «О нравственной проблеме наших дней».

Повергая изъясненное на высочайшее вашего императорского величества воззрение, вмещаю себе в обязанность всеподданнейше доложить, что в виду незначительного, пассивного и притом весьма кратковременного (в течение одного месяца) участия Минского в деятельности членов социал-демократической партии по изданию газеты «Новая Жизнь» и полной несовместимости личных убеждений его с идеями марксизма, коими руководствуется означенная партия, а также во внимание к продолжительным, в течение 37 лет, трудам его на литературном поприще, его преклонному возрасту (57 лет) и приведенному предстательству действительного тайного советника графа Витте, я, с своей стороны, полагаю бы возможным возбудить против присяжного поверенного, кандидата прав Николая Максимова Виленкина, он же Минский, при С.-Петербургском губернском жандармском управлении и в производстве судебного следователя по важнейшим делам при С.-Петербургском окружном суде Зайцова дела по обвинению его в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 126 ч. 1 и 103 ч. 1 Угол. Улож, дальнейшим производством прекратить, с предоставлением названному Виленкину-Минскому права беспрепятственно возвратиться в пределы России.

На приведение сего предположения в исполнение всеподданнейше испрашиваю все милостивейшее вашего императорского величества соизволение.

Министр юстиции статс-секретарь Щегловитов

Высочайшая резолюция «Съ» [согласен] в Ливадии 6 сентября 1913 года
Министр юстиции статс-секретарь Щегловитов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 133.
- ² Там же, т. VIII, стр. 508 (примечания о «Новой Жизни»).
- ³ «Дневник социал-демократа», 1905, № 3, стр. 26.
- ⁴ «Пролетарий», 25 (12) ноября 1905 г., № 26.
- ⁵ Красин Л., Как возникла «Новая Жизнь», — «Журналист», 1925, № 12, стр. 9.
- ⁶ Минский Н., Подите прочь!, — «Новая Жизнь» 1 (14) ноября 1905 г., № 5.
- ⁷ Письмо Д. Мережковского к Л. Виленкиной в мае 1905 г. (архив Института литературы Академии наук СССР).
- ⁸ Письмо Д. Мережковского к Л. Виленкиной 14 ноября 1905 г. (в том же архиве).
- ⁹ «Наша Жизнь», 15 (28) ноября 1905 г., № 334.
- ¹⁰ Бакулин В. (В. Брюсов), Поэзия Н. Минского, — «Весы», 1908, июль, стр. 64.
- ¹¹ Минский Н., Подите прочь!, — «Новая Жизнь», 1 (14) ноября 1905 г., № 5.
- ¹² Минский Н., Pro domo sua, — «Новая Жизнь», 29 октября (11 ноября) 1905 г., № 3.
- ¹³ Минский Н., Стихотворения, СПб., стр. 44.
- ¹⁴ Там же, стр. 36.
- ¹⁵ Там же, стр. 41—42.
- ¹⁶ Минский Н., При свете совести, 1890, стр. 65.
- ¹⁷ «Свиток», 1926, № 4, стр. 246.
- ¹⁸ Минский Н., Религия будущего, СПб., 1905, стр. 288.
- ¹⁹ Минский Н., История моего редакторства, — «Русь», 1906, № 54.
- ²⁰ «Дело I отд. канцелярии Главного управления по делам печати. Об издании газеты «Новая Жизнь», 1905, № 45, ЛОЦИА.
- ²¹ Там же.
- ²² Отношение департамента полиции по 3 делопроизводству от 29 апреля 1905 г., № 5137 (там же).
- ²³ Отношение департамента полиции в Главное управление по делам печати от 24 июня 1905 г., № 7300 (там же).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Отношение Главного управления по делам печати в С.-Петербургский цензурный комитет от 20 августа 1905 г., № 9145.

- ²⁶ Лишь к пункту о прибавлениях и приложениях к газете была сделана оговорка: «В пределах основной программы газеты».
- ²⁷ Статьи эти были напечатаны в газетах «Русь», 1906, № 54—55, «Двадцатый Век», 1906, № 36, и в сборнике статей Минскогого, На общественные темы. СПб., 1909. В виду того, что газетный текст и текст сборника сильно отличаются один от другого, а иногда и взаимоисключают друг друга, мы цитируем различные варианты статьи, оговаривая источник в каждом отдельном случае.
- ²⁸ Минский Н., На общественные темы, стр. 195—196.
- ²⁹ «Двадцатый Век», 1906, № 36.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Минский Н., На общественные темы, стр. 195.
- ³² Рукописное отделение Института литературы Академии наук СССР, фонд 39, № 76.
- ³³ Андреева М. Ф. — артистка Художественного театра, была женой М. Горького. Подпись ее, как издателя, значится под всеми номерами «Новой Жизни».
- ³⁴ Заявления об уступке Минским «половины издательских прав» М. Ф. Андреевой в архиве Главного управления по делам печати не обнаружено.
- ³⁵ Размер жалования в проекте не указан.
- ³⁶ Выписка из протокола заседания редакционного комитета «Новой Жизни». (Рукописное отделение Института литературы Академии наук СССР, фонд 39, № 77).
- ³⁷ Львов Л., За кулисами старого режима (воспоминания журналиста), Л., 1926, стр. 122.
- ³⁸ «Новая Жизнь», № 4.
- ³⁹ «Новая Жизнь», № 2.
- ⁴⁰ «Новая Жизнь», № 12.
- ⁴¹ «Новая Жизнь», № 1.
- ⁴² «Новая Жизнь», № 2.
- ⁴³ «Новая Жизнь», № 15.
- ⁴⁴ «Сын Отечества», 1905, № 207.
- ⁴⁵ «Сын Отечества», 1905, № 215.
- ⁴⁶ «Новая Жизнь», № 3.
- ⁴⁷ Минский Н., Подите прочь! — «Новая Жизнь», № 5.
- ⁴⁸ «Новая Жизнь», № 14.
- ⁴⁹ Минский Н., История моего редакторства, — сб. «На общественные темы», СПб., 1909, стр. 197.
- ⁵⁰ Минский Н., Интеллигенция и мещанство (ответ М. Горькому), — сб. «На общественные темы», СПб., 1909, стр. 204.
- ⁵¹ Философов Д., История одного легкомыслия, — «Наша Жизнь», 1906, № 407.
- ⁵² Брюсов В., Свобода слова, — «Весы», 1905, № 11.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Философов Д., Яд власти, — «Наша Жизнь», 1905, № 349.
- ⁵⁵ Автограф этого письма Н. Минского находится в Институте литературы Академии наук СССР, фонд 39, № 104.
- ⁵⁶ Десницкий В., В. И. Ленин и М. Горький (по воспоминаниям), — в книге «М. Горький. Очерки жизни и творчества», Л., 1935, стр. 58—59.
- ⁵⁷ Луначарский А. В., Воспоминания из революционного прошлого, стр. 37.
- ⁵⁸ Минский Н., На общественные темы, стр. 196.
- ⁵⁹ «Дело СПб. цензурного комитета по изданию Н. М. Виленкиным (Минским) ежедневной газеты «Новая Жизнь», 1905, № 98 (выписка из журнала заседаний Петербургского цензурного комитета 27 октября 1905 г., № 47), ЛОЦИА.
- ⁶⁰ «Дело I отд. Главного управления по делам печати», 1905, № 45, ЛОЦИА.
- ⁶¹ Минский Н., Еще к истории моего редакторства, — «Двадцатый Век», 1906, № 36.
- ⁶² Свой, К исповеди одного редактора, — «Слово», 1906, № 414.
- ⁶³ «Наша Жизнь», 1906, № 407.
- ⁶⁴ «Свобода и Культура», 1906, № 2.
- ⁶⁵ «Двадцатый Век», 1906, № 36.
- ⁶⁶ Фонд министерства юстиции, «Высочайшие доклады», 1913, т. II, лл. 181—189.
- ⁶⁷ Фонд департамента полиции, дело № 2291, начато в 1906 г., окончено в 1914 г. (Архив революции и внешней политики).
- ⁶⁸ Сологуб Ф., К приезду Н. Минского, — «Дневники писателей», 1914, № 1, стр. 41.
- ⁶⁹ Ленин. Собр. соч., т. XIV, стр. 220.